

Рудольф Штайнер

Непредвзятый взгляд на современность

Ein freier Blick in die Gegenwart

*Статья в журнале
«Deutsche Lesehalle für alle Stände»,
ноябрь 1884*

Фрагмент из GA 30,
«Методические основы антропософии.
Собрание статей по философии, естествознанию,
эстетике и психологии»

*Переводчик: Алексей Жиров
Редактор: Кира Езерская*

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2019–2022

bdn-steiner.ru

Непредвзятый взгляд на современность

1884 год

В начале девятнадцатого столетия в среде немецкого народа возникло могучее духовное стремление, жаждавшее силой человеческого мышления проникнуть в глубочайшие тайны мироздания. Возникла оригинальная наука, которая эмансипировалась от всякой практической деятельности и, паря в высших сферах идеализма, желала удовлетворять только потребности духа. Глубинная, исполненная нравственного совершенства движущая сила одушевляла это стремление.

Если обратить взор на немецкую поэзию того времени, то мы должны сказать, что также и она наполнена тем волшебным нектаром, который питает немецких мыслителей в стремлении к глубочайшему братскому единению с мировым духом. Как научное исследование, так как и художественное творчество имели в этом отношении религиозные черты, поскольку они выполняли первое основополагающее условие религии — возвышение человека над повседневным и обыденным, вознесение его в высшую, чисто духовную область.

Это был разрыв со старыми традициями, но это был разрыв *иного* рода, чем происшедшая практически одновременно Французская революция. Немцы поднялись против традиционного, против отживших форм религии, искусства и науки, потому что для них раскрылся новый мир, — и подлинное, внутренняя правда, потеснило внешнюю видимость. У французов же не было ничего, кроме мудрствующего рассудка и пустоты просветителей, которых не удовлетворяло старое, и именно поэтому французский либерализм столь быстро обернулся фривольностью.

Эта культурная высота, на которой однажды находились немцы, кажется нам сегодня не более чем прошлым; мы, последователи, с тоской оглядываемся на то лучшее время; нам кажется, что не осталось почти ничего, кроме утешительной задачи быть могильщиками и воздвигать памятники великому духу, породившему могучую эпоху.

Что делаем мы такого, что может хотя бы отдалённо сравниться с этими достижениями? Сила перевозданной самобытности кажется давно исчезнувшей, и всё наше искусство заключается лишь в том, чтобы составлять биографии наших великих предков и писать комментарии к их произведениям. Где та немецкая сила, которая когда-то породила Лессинга, Шиллера, Гёте, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Жан Поля?

Может показаться, что могучий германский великан спит посреди Европы. Но если взглянуть пристальнее, мрачная картина всё же уступает место более отрадной, и мы обретаем убеждение, что и в настоящем не должны отчаиваться, а во многих отношениях можем даже радоваться.

Когда мы смотрим на духовную жизнь Европы, то видим её как многообразно переплетённую систему нитей. Но за какой бы из этих нитей мы не проследили, мы *и сегодня* приходим к Германии как к точке пересечения, в которой всё сходится. Научная, художественная и социально-экономическая жизнь Европы представляют собой взаимосвязь сил, имеющих своим центром Германию.

Если мы хотим доказать истинность этого предположения, то нам нужно лишь держать в сознании две современные тенденции: одна господствует в научной, другая — в экономико-социальной сфере.

Под первым пунктом мы подразумеваем дарвинизм — учение, говорящее о том, что все ныне живущие формы животных являются лишь производными той или иной единой основной формы, которая совершенствовалась в течение очень долгих времён, что человек является лишь самой совершенной, самой развитой формой животного, и что его предков нельзя искать нигде, кроме как там, где можно найти предков и других млекопитающих. Это учение

имеет английское происхождение. Однако то, каким оно возникло из головы англичанина Дарвина в середине нашего столетия, представляло собой размытое, неясное в самом себе представление; не были учтены ни нравственные последствия, ни проведена необходимая всесторонняя научная разработка. В отношении центральной части было множество наблюдений, опытов и несомненных истин, но начало и конец были полностью окутаны туманом.

Тогда, в начале шестидесятых, немецкие учёные утвердились в этом воззрении. Как молния врезалась немецкая глубокомысленность, немецкая основательность и нравственная серьёзность в спутанную сеть. Всё было продумано и исполнено, вплоть до последних своих выводов, с применением всей силы духа и вскоре — при участии немецких исследователей — было возведено научное здание, обоснованное и укреплённое во всех своих частях. То, на что намекал англичанин Дарвин, немец Геккель завершил чудесным, монументальным образом. То, что создал последний, является совершенным построением ума, исполненным во всех деталях с достойной восхищения пронизательностью. В Англии нашли таинственный документ природы, но над ним простиралась плотная завеса, — пришёл немец и сорвал эту завесу, и только теперь мир узнал, что написано на таинственном свитке. Но этим дело не кончилось. Возвышенная нравственность немцев не могла не учитывать необходимые последствия нового учения в отношении морали и общественной жизни. Существуют многочисленные сочинения немецких исследователей, с бóльшим или меньшим успехом стремящихся показать либо созвучие дарвинизма с чистой моралью, либо угрозу последней со стороны первого. Вспоминали при этом и апогей немецкой культуры, и немецкий идеализм, и величайшего его представителя — Гёте. Возникла необходимость привести идеи этого великого гения в согласие с новым учением. Не следует упускать из виду, что немец настолько проникнут идеальным миром, что дисгармония любых новых воззрений с этим миром для него мучительна. Стремление немецких ученых привести результаты современного мировоззрения в согласие с гётеанизмом — это реакция немецкой совести на модное научное направление, воля немцев к тому, чтобы только лишь *идеалы* могли входить в жизнь; наконец, вера в то, что идеализм должен быть *истинным*.

Специфически немецким явлением стал глубочайший пессимизм как следствие дарвинизма. Немалое число искренних, вполне добрых и высокоодарённых душ новое учение доводит до разочарования в мире и в жизни. Нужно обладать глубокой, как у немца, натурой, нужно быть таким же далёким от всякого безрассудства и легкомыслия, как он, нужно *обладать* стремлением к *божественному*, и тогда при вдумчивом размышлении о ничтожестве человека и всего рода человеческого — как это должно быть, если допустить дарвинизм в его полном объёме, — пессимизма избежать нелегко. Это вызывает целый ряд мыслей, которые, вероятно, будут продолжать жить ещё долго; однако, как мы уже видели, могущественнейшая сила, которая движет сегодня научный мир, указывает на Германию: Запад поднял проблему, Германия стремится её решить. И если *однажды* должно прийти спасение из пучины чудовищной односторонности современного воззрения на мир, то это спасение может прийти только из Германии. Это будет сила немецкого духа, которая покажет, что в дарвинизме является правдивым, — и которая в то же время покажет, как в определённом отношении внутренне неправдиво, плоско и поверхностно он применяется; она *преодолеет* его именно тем, что *ограничит* сферу его влияния, — именно так он окажется действительно *понятым*.

Второе явление, на которое мы хотим указать, — это стремление европейских народов найти ту форму государственного устройства, при которой смогут обрести наивысшую значимость нравственное достоинство и свобода каждого отдельного гражданина. Опять же, то был Запад — Франция и Англия, — где это стремление впервые заявило о себе. На место произвола должна вступить разумная необходимость, на место привилегированности — равноправие, на место несвободы — свобода. Но, пожалуй, не будет слишком дерзким утверждение, что первые по-настоящему жизнеспособные попытки — на место государства, в котором царят случайность и субъективный произвол, поставить такое, в котором высшее правление осуществляет *разум*, — зарождаются сейчас в Германии. Государство должно за-

ботиться о том, чтобы счастье отдельного человека зависело не от случайности или произвола, но чтобы целое, построенное на принципах разума, обеспечивало благополучие индивидуума настолько, чтобы он мог свободно развиваться в физическом и духовном направлениях. **Не государство может сделать людей свободными, это может только воспитание; но государство должно позаботиться о том, чтобы каждый обрёл почву, на которой может расцвести его свобода¹.** То, что сегодня в связи с вопросом престола, некогда занимаемого Фридрихом Великим², относительно этого дано решение, ведущее к развитию, — а именно, что в Германии руководство государством возложено на человека, глубоко проникнутого этой миссией, когда-то станет одним из величайших политических фактов истории.

И ещё одно: есть немцы, не призванные участвовать в той великой работе с социальным, которую совершает сегодня немецкий народ. Речь ведь о большом количестве таких немцев. Но мы не хотим обозначить этот факт как несчастье. Потому что, быть может, именно *этим* немцам выпадает сегодня немалая часть общей культурной работы нашего народа. Мы с подлинным смирением принимаем сегодняшнее положение и утверждаем: в высшей степени желательно, чтобы так оно и было. Нельзя забывать, что сегодня, в силу грандиозных экономических проблем современности, немецким народом в империи утеряно идеалистическое воодушевление высшими *духовными* вопросами; нельзя упускать из внимания, что даже немецкая молодежь, когда-то надёжная хранительница немецкого идеализма, благодаря социально-реформаторским идеям забыла об этих вопросах. Тогда мы осознаём, что немецкая сущность в её прекраснейшем проявлении нуждается в пристанище как раз у таких немцев, которые живут за пределами немецкого отечества.

Тем самым открывается прекрасная перспектива для таких немецких народов. Мы знаем народ, который с давних пор придерживался этих принципов, и который поэтому, будучи во всём прочем равен другим немецким народам, в культуре и образовании во многом их опережает: это саксы в Трансильвании³! Пусть наш журнал⁴ способствует тому, чтобы эта культура и образование непрерывно развивались, пусть ему посчастливится в обозначенном смысле говорить с немецким народом в немецкой стране.

¹ Выделено переводчиком.

² Фридрих II (Фридрих Великий, 1712–1786) — король Пруссии с 1740 года, основоположник прусско-германской государственности. — *Прим. пер.*

³ Трансильвания (нем. Siebenbürgen) — историческая область, после Первой мировой войны вошедшая в состав Румынии. Здесь, в Германштадте, 29 декабря 1889 года Рудольф Штайнер прочёл две лекции, являющиеся одними из первых его ныне известных. Первая лекция читалась для небольшого круга слушателей. Вторая называлась «Женщина в свете мировоззрения Гёте. Выступление на тему женского вопроса». Германштадт (Hermannstadt, прежнее название современного Сибиу) оставался центром трансильванских саксов вплоть до Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

⁴ Журнал «Deutsche Lesehalle für alle Stände» (Hermannstadt, Carlsburg). Издавался при участии известных писателей и журналистов другом Рудольфа Штайнера Морицем Циттером (Moriz Zitter). Печать и издательство Ф. Фольца (Карлсбург). — *Прим. пер.*